УДК 35

ВОЙНА И ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ – ГРАНИЦЫ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Морозова Елизавета Александровна кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет (344065, Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Днепровский, 116). E-mail: mrzvliza83@mail.ru

Аннотация

В данной статье говорится о традициях определения войны, о необходимости разграничения таких понятий, как война и вооруженный конфликт. На сегодняшний момент мировая практика показывает, что война вышла далеко за рамки борьбы двух государств между собой. В настоящее время война приобретает все более гибридные формы, вследствие чего возникает необходимость их правильной трактовки для дальнейшей возможности или невозможности осуществления определенных шагов. Подтверждением данного факта является огромное количество работ и исследований по данному вопросу.

Ключевые слова: *война, вооруженный конфликт, международно-правовая система, международная организация, Организация Объединенных наций, терроризм, миротворчество, гуманитарная интервенция, превентивные меры, принципы войны.*

Первоначально представления о системе международных отношений возникали из понятий войны и мира между отдельными государствами. До окончания Первой мировой войны международное право определяло порядок ведения войны, регламентировало формы объявления войны и правила поведения комбатантов, порядок заключения мира и т.д. В указанный период времени война, в основном, рассматривалась, как конфликт между государствами, даже более того, данный термин охватывал все формы и виды проявления вооруженных столкновений. Термин «война» был закреплен во всех международных актах и соглашениях, так как 3-я Гаагская Конвенция, Официальная декларация о войне, Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики, даже Преамбула Лиги Наций гласили, что государства не должны прибегать к войне. Вместе с тем, большим недостатком существования такой международно-правовой системы являлось игнорирование конфликтов, которые не были официально объявлены войнами. Основным институтом, регулирующим начало межгосударственных конфликтов, был институт объявления войны, что представляло войну в большей степени как формальность, чем фактичность.

После Второй мировой войны международная система стала приобретать иные формы, а Холодная война дала очередной толчок для пересмотра дефиниций в понимании войны. В подтверждение в Уставе ООН закрепилась новая терминология, описывающая вооруженные конфликты: «агрессия», «вооруженный конфликт», «применение силы» – это позволило более четко дифференцировать события, происходящие в международных делах. В результате поиска подходящих определений было решено изменить понятие «война» на «вооруженный конфликт», которое охватывало более обширную сферу применения силы и проявления агрессии. Проблема состояла в том, что без объявления войны за кадром оставались такие ситуации, как нападения преступных вооруженных банд, внутригосударственные конфликты. гражданские протесты с применением силы и т.д.

В результате таких изменений в XX веке произошел переход от формального подхода к определению понятия войны, где главенствующую роль играло государство, к фактическому, где больше внимания уделялось объективному анализу различных конфликтов. Таким образом, в поле зрения попадало намного больше общественных явлений, связанных с конфликтами, применением силы или агрессией, в независимости от того, была ли объявлена война или нет. Женевская конвенция 1949 года закрепила данные положения. Продолжая развивать указанный выше подход, в 1977 году в Женевской конвенции появился первый Протокол, который закреплял понятие «вооруженный конфликт международного характера». Такая трактовка была сформулирована вследствие борьбы некоторых колониальных стран за свою независимость.

В итоге термин «вооруженный конфликт» полностью заменил термин «война», более того, он стал употребляться во всех нормативных и правотворческих актах, в том числе и Генеральной Ассамблеи ООН.

Международный характер вооруженного конфликта должен иметь определенную меру объективности. С точки зрения международного права стороны, которые принимают участие в международном вооруженном конфликте, должны обладать правосубъектностью. Вместе с этим, вооруженные конфликты могут быть и не международными – данное положение было закреплено в Международном Суде ООН по делу «Никарагуа против США», где ООН призвана регулировать, систематизировать и защищать порядок и мир в международных делах.

Вместе с этим, все еще не до конца совершенными являются подходы, определяющие те или иные общественно-политические явления. Речь идет о новых формах проявления конфликтов: терроризм, борьба за демократию, борьба против оккупации, этнические конфликты, миротворчество, контртеррористические операции и т.д.

Необходимость точного разграничения понятий «войны» и «вооруженного конфликта» состоит еще и в том, что в случае войны применяются кардинально отличные меры и правовые документы, нежели при вооружённом конфликте. При войне между государствами все дипломатические, политические и экономические отношения могут быть разорваны, а при вооруженном конфликте они сохраняются, что влечет за собой большое количество последствий, связанных прежде всего со ст. 15 Конвенции по защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., которая гласит: «В случае войны или при иных чрезвычайных ситуациях, угрожающих жизни нации, любое государство может принимать меры в отступлении от его обязательств» [1]. То есть имеется в виду, что эти последствия несут за собой отмену некоторых обязательств по защите прав человека, в том числе право на жизнь.

Еще одним важным моментом, из-за которого так важны точные разграничения в дефинициях понятия войны, являются причины начала военных действий. Ведь именно от этого зависит применение справедливых мер по прекращению вооруженного конфликта, а также права того или иного государства или организации ввести свои войска на территорию суверенного государства. Кроме того, определение вооруженного конфликта, как война, имеет политическую значимость как внутри страны, так и в масштабах всего мирового сообщества.

Если во время Лиги Наций решающую роль в развитии динамики вооружённого конфликта играл институт Объявления войны, то по Уставу ООН в современности большую роль играет институт Гуманитарной интервенции. В международном праве Гуманитарная интервенция определяется, как «право на применение силы одним государством на территории другого с целью защиты лиц, постоянно находящихся под угрозой смерти или увечий, когда государство, на территории которого

находятся эти лица не хочет или не способно защитить их» [2]. Важно, что при состоянии войны или вооруженного конфликта гуманитарную интервенцию намного проще обосновать, так как такие конфликты не входят во внутренние дела государства, а в эти дела по Уставу ООН никто не имеет права вмешиваться. А в эпоху глобализации тем более почти невозможно какой-либо конфликт обозначить только лишь как внутренние дела государства, ведь так или иначе сегодня любой конфликт выходит на повестку дня в Генассамблее ООН, и прежде всего с точки зрения применения гуманитарной интервенции во имя защиты прав и свобод человека.

После появления новых форм вооруженных конфликтов, мыслители, теоретики и политологи занялись разработкой новых справедливых причин возникновения войны. Одним из таких теоретиков считается Б. Оренд, который в своей книге «Мораль войны» предлагает признать справедливыми причинами не только помощь союзнику и защиту безопасности государства, но и войну против терроризма, войну – предупреждение, т.е. атаку во имя блокирования возможных маломасштабных военных действий, гражданскую войну и гуманитарную интервенцию. Собственно, именно эти принципы и являются сейчас основными постулатами международного права в делах войны и мира. Дело в том, что современные террористические организации видят своей целью уничтожение мирного населения, а не борьбу против комбатантов или руководства государства. Нет никаких справедливых оправданий терроризму, потому что атака осуществляется против мирного населения государства, а не против армии или правительства. Государство имеет полное право на превентивные действия в случае, где главной задачей становится рассеивание террористических группировок, посредством устрашения и разочарования в собственных деяниях, так как современный исламский терроризм построен на религиозной и идеологической основе. Существует различие между нормативными и дескриптивными причинами борьбы против терроризма. В этом моменте наблюдается существенное расхождение между теорией и практикой, поскольку при нормативном подходе государство имеет право защищаться, по причине планируемой атаки на него, чтобы предупредить возможное нападение, а в дескриптивном подходе необходимо фактическое нападение, которое само по себе становится справедливой причиной для ответной атаки. В этом принципиальном моменте Оренд сходится с Уолцером: «Риски, которые вызывает бездействие, надо стремиться минимизировать. На государстве лежит обязанность защищать права своих граждан, а упущенная возможность предотвратить серьёзные людские и экономические потери, вызванные нападением агрессора, будет означать неготовность правительства обеспечить эту защиту. Государство может, таким образом, нанести опережающую атаку, но только в том случае, если речь идёт о защите прав человека» [3]. Исходя из международной практики, в основном применяется дескриптивный подход.

Другой современный теоретик теории справедливой войны Н. Фоушин предлагает полностью пересмотреть подход международного права к войне и применению силы государством. Такой взгляд на международное право дает шанс развить многоуровневую систему, которая будет избавлена от постоянных прецедентов несовершенства и коллизий правового регулирования. Н. Фоушин говорит о том, что «нужно разделять причины применения вооружения в связи с разными условиями конфликта». Он соглашается с Орендом в том, что нужно расширять границы применения вооружения, но делать это нужно в соответствии с условиями «эпохи Новых войн». Мыслитель разделяет теорию справедливой войны на регулярную и иррегулярную, называя это двумя теориями справедливой войны. Смысл заключается в том, что первая будет работать на традиционных принципах в конвенциональных и межгосударственных войнах, а вторая будет необходима для работы с негосу-

дарственными образованиями. Но проблема заключается в том, что традиционные методы борьбы в новых войнах являются неэффективными. Принципы справедливой войны, в классическом ее виде, очень часто невозможно соблюдать с негосударственными акторами в политике (например, борьба ополчения за свои национальные права). С другой стороны, это вполне справедливое дело, но методы их борьбы могут быть кардинальными, что приравнивается к терроризму. До сих пор у всех на слуху события 2003 года в Ираке, когда США применили вооружение в обход Устава ООН. На самом деле, подобных ситуаций можно избежать, если принимать во внимание позицию Н. Фоушина. Перед тем, как государству применить силу, требуются веские и справедливые причины. В случае с Ираком это был ряд причин, которые в отдельности не были веской причиной для применения насилия, но в совокупности «деяния» Саддама Хусейна, его связь с терроризмом и тиранический режим стали «справедливой» причиной вторжения США на территорию Ирака. С мнением мыслителя можно согласиться даже потому, что на данный момент терроризм набирает обороты и становится понятно, что эффективной системы борьбы против него нет.

Новшеством данной теории является сама возможность пополнять список причин, которые в совокупности могут дать право применять силу. В данной теории есть шанс бороться с терроризмом на его первоначальной стадии, т.к. неэффективность борьбы заключается в том, что стороны одной войны играют по разным правилам. Если действовать по совокупности причин, то можно избежать ужасающих последствий войны, так как терроризм видит своей целью устрашение и панику в обществе; бороться с ним также нужно методами предупреждения о санкциях, которые могут быть применены даже за попытку совершения террористического акта или какой-либо другой атаки. Оправдание превентивных мер в войне против террористов и государства против государства имеют разные цели. Когда готовится нападение государства на государство, то подготовка четко видна разведкой и может быть подтверждена или опровергнута – следует действовать в рамках нормативного подхода. Другое дело – подготовка атаки террористов или повстанцев, которая готовится в обстановке крайней секретности, следовательно, упреждающие атаки более уместны в рамках деструктивного подхода. Вместе с этим, конвенциональный метод предполагает, что между сторонами конфликта подписывается мирный договор, после которого война считается оконченной, тем не менее, в случае субъекта неполитического мирный договор не предусмотрен и атака может начаться и закончиться в любой момент. Но это не касается того случая, когда справедливые причины есть у негосударственного актора (например, в случае геноцида государства против своего народа) – справедливое право на оборону получает народ. Таким образом Фоушин предлагает стратегию действий, следуя которой можно избежать правовых коллизий, связанных с признанием той или иной ситуации терроризмом, гражданской войной, сепаратизмом или национально-освободительной войной и т.д.

Возможен ли в обозримом будущем всеобщий мир на планете? Многие современные мыслители и России, и Европы, и Америки трудятся над этим вопросом, а теория справедливой войны пока только расширяет полномочия государства на применение вооружения. В дискурсе США существует мнение, что демократические государства больше не воюют между собой, следовательно, нужно распространить демократию в масштабах всей планеты. Но пока же виден только обратный результат этого процесса, особенно на Ближнем Востоке.

Подводя итог, можно сказать, что необходимость выработки точных правовых дефиниций для вооруженных конфликтов в современном мире чрезвычайно важна.

Термин война все же не потерял свою популярность в современном мире. Сегодня можно сказать, что войной принято называть крайние формы международного вооруженного конфликта, который происходит между государствами, начинается и заканчивается путем заключения определенных международно-правовых актов и договоров.

Литература

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод.URL: http://www base.consultant.ru (дата обращения: 18.04.2016).
2. *Модин Н.В.* Гуманитарная интервенция в современных международных отношениях: автореф. дис. … канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2010.
3. *Уолцер М.* Смена режима и справедливая война // Пер. с англ. Куманьков А.Д. // Военно-юридический журнал. 2013. № 7. С. 26–32.

Morozova Elizaveta Aleksandrovna, PhD in Political sciences, The senior lecturer of Theoretical and Applied Political Science department; Institute of Philosophy and Social and Political Sciences; Southern Federal University (116, Dneprovsky lane, Rostov-on-Don, 344065). E-mail: mrzvliza83@mail.ru

WAR AND ARMED CONFLICT – THE BORDER DEFINITIONS

Abstract

This article refers to the traditions of the definitions of war, about the necessity of differentiation of concepts such as war and armed conflict. To date, the world practice shows that the war went far beyond the struggle of two States between themselves. Currently, the war is becoming more hybrid forms, hence there is a need for their correct interpretation to further the possibility or impossibility of taking measures. Confirmation of this fact is a huge amount of work and research on this issue.

Keywords: *war, armed conflict, the international legal system, international organization, the United Nations, terrorism, peacemaking, humanitarian intervention, preventive measures, the principles of war.*